

СЕРГЕЙ КРЕМЛЁВ

Как предали
СССР

«ПРОРАБЫ ИЗМЕННЫ»

Сергей Кремлев
Как предали СССР.
«Прорабы измены»
Серия «До встречи в СССР!»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2814835

Как просп.ли СССР: Яуза-Пресс; М.; 2011

ISBN 978-5-9955-0314-9, 978-5-9955-0706-2

Аннотация

Крах СССР стал шоком не только для советских граждан, но и для наших заклятых врагов на Западе, которые считали коммунистическую систему несокрушимой и даже накануне горбачевской «перестройки» продолжали твердить, что «красные побеждают в холодной войне».

Так почему же, не потерпев военного поражения, на пике своего могущества, вопреки воле народа Советский Союз рассыпался, словно карточный домик? Была ли Великая Геополитическая Катастрофа случайной или закономерной? Считать ли гибель Советской цивилизации «смертью от естественных причин», суицидом или преднамеренным убийством? Разоблачая не только исполнителей, но и заказчиков этого «преступления века», ведущий публицист патриотических

сил отвечает на главный вопрос нашей истории: КТО И КАК
ПРЕДАЛ СССР?

Содержание

От автора	6
Пролог	15
Глава 1	27
Глава 2	43
Глава 3	62
Глава 4	75
Глава 5	82
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Сергей Кремлев

Как проср. ли СССР

Нас история избаловала. Мы получили сравнительно легко много успехов. Это и создало у многих самодовольство, опасное самодовольство...
И. В. Сталин в 1940 году,
Сочинения, т. 18, стр. 207

...Мало у нас в руководстве беспокойных... Есть такие люди: если им хорошо, то они думают, что и всем хорошо...
И. В. Сталин в 1947 году,
Сочинения, т. 18, стр. 457

...Мы, старики, все пережём. Но нужно подумать, кому, в чьи руки вручим эстафету нашего великого дела? Кто её понесёт вперёд? Для этого нужны более молодые, преданные люди, политические деятели...

...Политическим деятелям ленинского опыта, воспитанным нашей партией, предстоит в борьбе сломить враждебные попытки затормозить и сорвать дело строительства социализма и добиться полного успеха в осуществлении наших великих целей.
И. В. Сталин в 1952 году,
Сочинения, т. 18, стр. 584

Интеллигенция – это иллюзия, которая очень дорого обошлась стране и революции и с которой

*давно пора покончить.
М. Ю. Левидов, публицист,
литературовед, писатель, 1924 год*

От автора

Тема гибели СССР сегодня становится всё более актуальной – это видно даже по выплеску на книжный рынок немалого количества книг на данную тему. Впрочем, начало было положено давно – достаточно упомянуть появившуюся шесть лет назад капитальную монографию «Государственная измена» Олега Платонова и полную *полу*признаний и якобы признаний книгу Петера Швейцера «Победа», впервые изданную в РФ в 1995 году.

Сегодня только список подобной литературы занял бы не одну страницу, и такой факт можно лишь приветствовать уже потому, что в «Россиянии» и в «СНГ» (от СиНаГога эта дурацкая аббревиатура произошла, что ли?) живут десятки миллионов молодых людей, которым в 1991 году было лет пять, а то и годик, а то и вообще несколько месяцев до рождения. И дать прежде всего им конкретную хронику событий и их фактологию – дело не лишнее. Не лишним будет вспомнить те дни и людям постарше.

Однако знакомство с ныне вышедшими в свет книгами показывает, что в них зачастую приведено много фактов,

имеется немало разоблачений, но слаб анализ. Слишком часто «разоблачители» блуждают в трёх соснах – антимарксизм, антисоветизм и антикоммунизм.

Порой они из одних заблуждений просто впадают в другие заблуждения – как это имеет место быть, например, с бывшим верным ельцинцем Михаилом Полтораниным, автором нашумевшей книги «Власть в тротиловом эквиваленте». Прочсть её очень небесполезно как для молодых, не видевших 1991 года, так и для тех, кто видел его во всей его «красе». Ведь наша главная историческая задача – восстановить Советское, Социалистическое, Союзное государство.

Увы, в аналитической и тем более в «резолютивной» части Полторанин и авторы других, подобных его книге, книг так же далеки от подлинных задач дня, как они были далеки от этих задач двадцать лет назад. Поэтому мне представляется полезным дать свой взгляд на те события, на предшествующие им явления в жизни СССР и на наше возможное будущее. Сразу предупреждаю, что не собираюсь соревноваться с другими авторами в деле снабжения читателя ворохом «жареных» фактов и цифр – чтение той же книги Полторанина обеспечивает нас в этом отношении с избытком. Мне хотелось вскрыть причины и логику негативных процессов, в том числе – в их истоках. Насколько это мне удалось – судить читателю.

Возможно, и даже скорее всего, многих читателей, особенно тех, кто привык к достаточно корректному в лексиче-

ском отношении словарю Сергея Кремлёва, название этой книги и её пролога – даже с прикрытыми долларом или многоточием «криминальными» буквами – покоробит.

Однако бывают такие моменты, когда нормативная лексика бессильна выразить суть происходящего и те эмоции, которые вызваны происходящим. Иногда резкие, жёсткие, непозволительные в повседневности слова сами срываются с языка.

Например, академик Мстислав Всеволодович Келдыш, многолетний президент Академии наук СССР, предельно воспитанный человек, отличался полным отсутствием в своём словаре крепких выражений в любых ситуациях. Тем не менее в мемуарах отмечен случай, когда Келдыш, выведенный из себя волокитой в деле реализации очень важного и актуального проекта, позволил себе на совещании в АН высказать в немногих, но *крайне* выразительных словах всё, что он думал по поводу разгильдяев. Эффект оказался поразительным – те же люди сумели всё сделать максимально быстро.

В Полном собрании сочинений Ленина зафиксированы его резкие слова о том, что наши декреты – г...но, ведомства – г...но. Ну не нашлось даже у культурнейшего Владимира Ильича иного слова для оценки «законотворчества» и «деятельности» неких пролетарских «Солонов» и «Демосфенов».

А можно ли в строго цензурных выражениях определить

то, что произошло на бескрайних просторах нашей ещё не обрезанной Родины в конце 80-х– начале 90-х годов прошлого века?

В цензурных – вряд ли!

Вот почему мы – я, автор этой книги, и её издатели – после недолгих колебаний решили назвать книгу именно так, как она названа.

Но кто же проср...л СССР? Это ведь не такой простой вопрос, как может показаться на первый взгляд. С одной стороны, о якобы крахе СССР сегодня написано много, хотя, конечно же, надо говорить об убийстве – если иметь в виду подрывные действия внешнего мира и внутренних предателей. Убийство было совершено вполне сознательно и намеренно.

А народы СССР, народы России? Они ведь свою Родину не хотели ни убивать, ни предавать. Они не хотели развала Союза и внятно заявили об этом на союзном Референдуме весной в 91-м году. Но, вот же, не прошло и года, как общая Родина народов СССР оказалась разрушенной.

А народы стерпели.

Почему они стерпели – отдельный разговор. Однако на главного виновника развала СССР я укажу сразу – это высшие круги советской, особенно – столичной, интеллигенции, прежде всего «творческой», но и научно-технической – тоже. Об этом далее будет сказано не раз.

Да, элита так или иначе Советский Союз продала. И толь-

ко о простых людях Страны Советов можно и нужно сказать, что они-то СССР проср...ли. И, между прочим, не только в 1991 и 1992 годах, но и в 1993 году – когда у народа была внятная конституционная возможность вместо подсунутых ельцинцами ответов на вопросы референдума 1993 года «Да, да, нет, да» дать противоположные «Нет, нет, да, нет». Если бы народы России единодушно ответили по второму варианту, то не стала бы возможной ни дальнейшая бесстыдная капитализация России, ни расстрел Белого дома в октябре 1993 года, ни многое другое...

Народы Советского Союза Советский Союз проср...ли, они же его могут и должны восстановить. Владимир Путин однажды «умно» обмолвился в том смысле, что, мол, у того, кто не жалеет об СССР, нет сердца, а у того, кто желает его восстановления, нет ума. Что ж, Путин, как и его сменщик-«подельник» Медведев, всегда и во всём правы, но всегда – с точностью «до наоборот». Послушай, что они говорят, выверни наизнанку, и получишь правду.

Так вот, у тех (кроме врагов России), кто радовался развалу СССР, не было ума, а у тех (кроме врагов России), кто не желает восстановления в той или иной форме СССР, нет ни ума, ни сердца.

Остаётся понять – сохранились ли ум и сердце у народа великой страны. Не последнее значение имеет и то, в порядке ли у этого народа его общественный «желудок». Ведь ещё одного «либерально-демократического» кровавого по-

носа России уже не выдержать.

В своей книге я не ссылаюсь на те или иные «сенсационные» материалы со стенограммами неких тайных речей «прорабов перестройки», готовивших измену, не занимаюсь разоблачением конкретных преступлений этих «прорабов измены», не сообщаю о том, кто, где и когда из них обучался в западных антисоветских центрах, вступал в лондонские масонские ложи, в московские ротари-клубы и т. д.

Обо всём таком давно и недавно написаны толстые книги – того же Олега Платонова и других. Это всё хорошо, замечательно и полезно – не спорю. Однако «воз» российских проблем почему-то и ныне «там», в смысле – во всё том же историческом «болоте», в которое начали заводить страну ещё хрущёвцы, не говоря уже об их «идейных» и безыдейных сменщиках от Брежнева до нынешнего «тандема». Так, может быть, «разоблачители» не то, что следовало бы, разоблачают? И не так?

Имеет ли, например, сейчас принципиальное значение – щипал или не щипал кур немецким солдатам на Кубани Миша Горбачёв и давал он или не давал абверу подписку о сотрудничестве (немцы вербовали впрок и 12-летних). Что – если мы узнаем, что он эту подписку дал, это что-то изменит в его портрете величайшего Иуды всех времён и всех народов?

Так ли уж важно, что и когда говорили Гавриил Попов и Собчак, Чубайс или Бурбулис, достиг или не достиг высших

масонских степеней «посвящения» Борис Ельцин?

Ну что нам даст даже подробнейшее описание тайн августа 91-го года? Главная тайна атомного проекта США перестала быть тайной сразу же после того, как Хиросима сгорела в атомном огне. Так и в истории 1991 года главной тайной было то, что страну сознательно уничтожала её же собственная «верхушка». Не та или иная конкретная личность, а высший слой партийно-государственного руководства СССР – за редчайшими исключениями. Сегодня эта тайна – уже не тайна. А как конкретно это делалось – не очень-то уже и интересно.

И так ли уж важно – подцепили или не подцепили западные спецслужбы в своё время «на крючок» некоего подполковника КГБ? Это ведь тоже ничего не изменит в том политическом и человеческом облике, который он создал себе сам! Многие годы имея огромные возможности по творческому преобразованию страны, этот подполковник все эти годы её разваливал и разваливает. Ну, даже если Запад вдруг подставит его, публикуя подписки и расписки, что это добавит в понимание ситуации *по существу*?

Ей-богу же, товарищи, сегодня можно найти темы поважнее и поинтереснее. И я постараюсь это сделать. Хотя...

Хотя один мой неглупый знакомый давно сказал: «Демократия – это когда можно говорить что угодно, всё равно ничего не изменится...» А у нас сейчас – демократия.

И – весьма загустевшая.

Когда «большевик на троне» царь Пётр начал поднимать Россию с пролёжанного бока на ноги, южнорусские чернозёмы имели трёхметровую толщину. Однако понимающих дело людей в России было тогда не так уж и много.

Ко времени, когда большевик Ленин начал свой поворот России от положения полуколонии к великой индустриальной державе, толщина чернозёмов уменьшилась метров до полутора, хотя число понимающих дело людей в России возросло.

Сегодня чернозёмы не «тянут» и на полметра, а с числом понимающих *суть дела* Россию что-то заколодило – оно не очень-то увеличивается. А ведь если процесс быстрого нарастания понимания у нас не пойдёт на лад и число понимающих не увеличится быстро до необходимых времени размеров, то ещё десяток лет – и у нас не будет ни чернозёмов, ни России.

Да, многое бывшее тайное всё чаще становится сегодня явным. И всё большее число людей начинает понимать, как нас *кинули*. Но как бы, повторяю, не вышло так, что необходимое для изменения ситуации число понимающих наберётся как раз к тому времени, когда чернозёмы у нас истощатся полностью и ситуацию изменить будет почти невозможно.

Плохо нам тогда будет, дорогие друзья... Так что понять – что к чему – нам надо бы поскорее.

Я отдаю себе отчёт в том, что предлагаемая читателям книга вряд ли вытащит на твёрдую почву Истины увязший в

«болоте» ельцинизма наш общественный «воз». Даже бегемота тащить из болота – работа нелёгкая, а уж целую огромную страну – тем более. Но я убеждён в том, что моя новая книга, как и все предыдущие, подталкивает ситуацию в нужном направлении – *из болота*.

А это, товарищи, не так уж и мало!

Сергей Кремлёв (Брезкун)

Пролог

«Г...но» в роли «мозга»

Словари называют прологом вводную часть к драме, роману, спектаклю и т. д., которая представляет собой вступительную, исходную часть произведения, иногда знакомит с событиями, предшествующими действию. Любое из этих определений пролога подходит для того, что я хочу уже в начале книги сказать читателю.

А хочу я прежде всего сказать о том слое советского общества, который сыграл наиболее роковую роль в судьбе СССР. Никакие внешние силы не смогли бы обрушить СССР, и никакие системные слабости социализма не смогли бы уничтожить советский социализм, если бы СССР и социализм в СССР не обрушивала даже не «пятая колонна» (это само собой), но массовая истерия советских образованных кругов – в столицах, но и на периферии тоже.

Ещё в старой, царской России российские интеллигенты, особенно представители «творческих» «свободных» профессий, сами присвоили себе наименование «мозга нации». Однако вся наша новейшая история с конца XIX до начала XXI века доказывает, что как раз те, кто претендовал и претендует на такое гордое и ответственное самоопределение, заслуживают прямо противоположной оценки – не «мозга»,

а «Г...на нации».

Резко?

Да?

Не очень воспитанно и литературно?

Не отрицаю.

Но зато – вполне заслуженно.

А если уж говорить о старых российских и нынешних «россиянских творческих интеллигентах», используя образ мозга, то говорить надо о безнадёжном и, похоже, неизлечимом *размягчении* этого «мозга», к тому же до отказа набитого «духовным» «навозом. (А может, – чёрт её, эту «образованщину», знает – и навозом настоящим, собственного её производства).

Тема этого давно размягчённого «мозга нации» первостепенно важна для понимания нашего прошлого, настоящего и будущего, поэтому я с неё и начну, а по ходу своих размышлений буду возвращаться к ней ещё не раз.

Впрочем, по порядку...

Развал СССР в 1991 году был очень разнообразным процессом, в том числе кое для кого и спектаклем. Но и спектакль был для разных фигур и лиц разным – трагедией, драмой, фарсом, для кого как.

В то же время 1991 год стал началом новейшего романа в исторической эпопее России.

Романом, как сообщают нам опять-таки толковые словари, называют эпическое многоплановое произведение, кото-

рое широко охватывает жизнь, изображает общественный процесс в его противоречиях, многообразии и развитии. В романе переплетается множество сюжетных линий, фигурирует большое число действующих лиц. При этом существует много разновидностей романа: исторический, социально-бытовой, политический, военный, сатирический, психологический, фантастический, авантюрный и т. д.

Что ж, в событиях, предшествующих 1991 году, и в 1991 году переплелось много сюжетов и судеб, и эти события имели все упомянутые выше аспекты – от исторического до авантюрного, хотя преобладал – как это ни странно – фантастический сюжет. Ведь в считанные месяцы 1991 и 1992 годов немыслимые, казалось бы, превосходящие любую фантазию ситуации удивительнейшим образом воплотились в абсурдную реальность.

Хотя...

Хотя таким ли уж фантастическим был тогдашний сюжет, если уже осенью 1952 года Сталин предупреждал молодую политическую элиту КПСС о том, что ей придётся столкнуться с враждебными попытками не только затормозить, но и сорвать дело строительства социализма?

Вот как! *Не только затормозить, но и сорвать...*

То, что Сталин был прав, доказала сама жизнь. Сегодня, окидывая внимательным взглядом нашу послевоенную историю, можно ясно увидеть, как на протяжении десятилетий, задолго до 1991 года, предпринимались вполне успешные

попытки затормозить строительство социализма в СССР. В итоге дело строительства социализма было с начала 90-х годов полностью сорвано, и сегодня Россия, если иметь в виду её экономическое положение в мире, отброшена на сто лет назад.

Но что способствовало развитию «действия» лета и осени 1991 года? О чём надо сказать в прологе повествования о том проклятом годе и предшествующих ему годах?

Пожалуй, прежде всего надо сказать о давней язве русского общества, о худшем издании и так не очень-то привлекательной мировой интеллигенции – о «российской интеллигенции».

Абсурд «перестройки» и «постперестройки» был абсурдом лишь внешне – в нём была железная, десятилетиями *не нами* выстраиваемая логика. Тем, кто замышлял ликвидацию СССР, надо было настолько замутить мозги, настолько ошарашить людей, чтобы одни оказались парализованными, а другие, так сказать, – марионетизированными, или, если привычнее, зомбированными. Но кто загаживал духовным навозом мозг и душу народа, кто зомбирова́л народ, кто манипулировал общественным сознанием, если не «советские интеллигенты»? Причём многие – даже не за тридцать серебряников, не за чечевичную похлёбку, а так – *по дуристости...*

Наше время называют Смутным, однако первая буква тут лишняя. Мы переживаем не Смутное, а Мутное время истории России. Синоним слова «смутное» – слово «неясное»,

а слово «мутное» – синоним слова «грязное». Так вот, для умеющего мыслить гражданина нынешняя ситуация в «России» ясна настолько же, насколько эта ситуация грязна. *А почему общественная ситуация так загрязнена и замутнена? Да потому, что её сознательно замутили.*

Но кто сумел так замутить нашу жизнь?

Да кто же, как не те, что имели и имеют наибольшее влияние на формирование общественного мнения?! Те, кому люди привыкли верить и кого, зная лишь по телевизионной «картинке» или журнальным и газетным статьям, привыкли считать чуть ли не близкими, хорошо знакомыми людьми. Я имею в виду, конечно же, элитный слой «интеллигенции» обеих русских столиц, а также – по нисходящей «сливки общества» в национальных столицах республик СССР и в ряде крупных региональных центров – Горьком, Новосибирске, Донецке, Ростове, Одессе, Омске, Томске и т. д. Тот слой, который с печатных страниц и телеэкранов создавал и создаёт вполне определённый общественный фон в 80-е, 90-е и 2000-е годы.

Ни один член брежневского или горбачёвского Политбюро ЦК КПСС никогда не пользовался в советском обществе и малой долей такого неформального влияния, каким пользовались все эти бурлацкие, познеры, бовины, распутины, астафьевы, лихачёвы, невзоровы и вознесенские с разными евушенками, говорухиными, рязановыми и окуджавами.

И все они (и другие, им подобные, имя которым – легион)

вместо того, чтобы вскрывать накопившиеся большие проблемы СССР в интересах обновления социализма, стали, с приводом к власти Горбачёва, охаивать саму идею СССР, сам строй, его создавший, и всю советскую историю.

Эта ситуация была беспрецедентной в мировой истории *по масштабу* почти поголовного предательства «элитой» своего народа и своей Родины. Однако *в системном отношении* случай был весьма заурядным, в литературе описанным. Так, более сорока лет назад американский философ Берроуз Данэм, долгое время возглавлявший кафедру Темпльского университета в Филадельфии, написал книгу «Мыслители и казначеи». Под «казначеями» имелись в виду правители эксплуататорских обществ от фараонов до миллиардеров и президентов, а под «мыслителями» – те, кто формирует общественное мнение, от древнеегипетских жрецов до телевизионных комментаторов.

Американский профессор отвёл первое место во влиянии на общественную ситуацию «мыслителям», поставив их перед «казначеями». И действительно, *с некоторого момента роль СМИ в упадке общества оказывается даже более весомой, чем роль и значение тех, кто обладает всей полнотой государственной и экономической власти и кого «мыслители» обслуживают.*

Вот что писал Данэм:

«В период расцвета общественные институты (а следовательно, и казначеи) могут позволить себе роскошь сделать

истину достоянием общественности... В период же упадка общественные институты (а следовательно, и казначеи) не могут допустить, чтобы истина стала общим достоянием... Это приводит к тому, что... некоторые истинные суждения влекут за собой наказание, в то время как некоторые ложные суждения приносят почёт и славу.

....Так возникает противоречие... между действительной картиной мира и той картиной мира, которую по заказу казначеев создают мыслители...»

Причём далее Данэм совершенно верно признаёт, что в недрах эксплуататорского общества «всегда вызревают идеи, наносящие ущерб правящему классу именно тем, что правильно его (*отживающее общество*. – С. К.) описывают».

«Российско-россиянское «общество» после 1991 года оформилось как безусловно эксплуататорское при следующем составе эксплуататоров: бывшие партократы и бывший криминал, включая «теневики»; прохиндеистые бывшие комсомольские и профсоюзные работники – как аппаратчики, так и работавшие в экономике; зарубежные «инвесторы» и отечественные стервятники-«предприниматели» разного рода и происхождения, а также прочая сволочь, классифицировать которую большой нужды нет.

Поэтому давний вывод Данэма о том, что в недрах несправедливого общества всегда вызревают справедливые идеи, можно со спокойной совестью распространять на современ-

ную «Россиянию».

Но почему эти идеи пока что не овладели массами? *Почему новоявленные «казначей» в РФ и СНГ, как и давно существующие «казначей» Запада, оказываются раз за разом в состоянии совершать действия, противоречащие насущнейшим интересам абсолютного большинства общества?*

Данэм верно ухватывает суть проблемы и поясняет: такое становится возможным потому, что «казначеям» помогают «мыслители».

«Казначей запугивает, а мыслитель – обманывает», – пишет Данэм.

Спорить здесь не с чем – я и сам об этом же говорю. И обманутый «мыслителями» по заказу «казначеев» народ позволяет вести себя не к прочному благоденствию, а к упадку всех общественных институтов. Как это мы и наблюдаем в нынешней «Россиянии».

«А в Советском Союзе? Что, его общественные институты не загнивали?» – может вскинуться «записной» «либерал», «демократ» или «либеральный демократ».

Загнивали, загнивали, иначе СССР не рухнул бы.

Но почему они загнивали? Разговор об этом у нас впереди. Пока же напомним, что «скорлупа беззакония плавает в океане глупости». А порождают в обществе этот «океан» как раз «мыслители». *Социальной глупостью, социальным идиотизмом народы СССР и Российской Федерации обязаны не природе, а тем, кто умеет ловко обелять чёрное и обливать*

грязью белое. Своей кажущейся «глупостью» народ обязан «мыслителям», которые умеют опорочить в глазах народа истинные суждения и факты и выдать ложные суждения за истинные.

Не имея приличного образования и хорошего развития подобные фокусы – с подменой правды ложью и наоборот – публике не продемонстрируешь. Однако в распоряжении «олигархов»-«казначеев» всегда имелся и имеется в достатке широкий ассортимент «мыслителей» – от прямых информационных слуг мировой и «российской» капиталистической «элиты» до рафинированных «интеллигентов», которые, при весьма скромных мыслительных способностях, претендовали и претендуют на то, чтобы быть «мозгом» и «душой» «нации», а способны лишь на обман всех видов – от самообмана до обмана масс.

Вот, например, «политолог» и «философ» Игорь Моисевич Клямкин, фигура, ныне почти забытая, а в перестроечные годы всемерно популяризируемая. Тогда в журнале «Новый мир», имевшем в годы «тоталитаризма» огромные тиражи, а ныне уж не знаю – существующем ли, была опубликована его статья с названием «Какая дорога ведёт к храму?». Название, надо заметить, было любопытным – ведь к собственному «Храму» мир настойчиво ведут вольные каменщики франкмасоны. Но это так – к слову.

В мутные 90-е годы сей доктор философских наук подвизался в роли руководителя аналитического центра «Фонда

общественного мнения» (интересно – откуда брались деньжишки?) и плавает на поверхности антиобщественного процесса по сей день.

13 апреля 2011 года некто Любовь Борусяк беседовала с ним уже как с вице-президентом фонда «Либеральная миссия» (интересно – откуда теперь берутся деньжишки?). Беседа эта интересна лишь одним – подтверждением того, что российских «интеллигентов»-антисоветчиков, как и некой пахучей субстанции, двух сортов не бывает и что за двадцать лет они ничуть не изменились – все они на одно лицо – самовлюблённы, примитивны и до смешного претенциозны.

Конечно же, Клямкин – типичный «мыслитель». Но вспомнил я о нём потому, что в ходе беседы он сослался на показательное заявление актёра Олега Басилашвили:

«Мы очень поддерживали Бориса Николаевича. Мы его привели к власти, а дальше пусть он делает. Он знает, что делать».

К власти Ельцина привели, конечно же, не «интеллигенты», не «интеллектуальный», по выражению Клямкина, класс, а вполне определённые силы. Однако подобная самооценка Басилашвили, одного из представителей «интеллектуального» (ну-ну) «класса», вполне разоблачительна.

В некотором смысле именно разного рода басилашвили и прочие радзинские, познеры и урновы оказались главными разрушителями Советского Союза. *Народ в 1991 году*

безмолвствовал прежде всего потому, что в этом году и в предыдущие годы слишком уж драл глотку нарождающийся «россиянский» «интеллектуальный класс» клямкиных и борусяков.

В 80-е годы московские знакомые рассказывали мне об одном московском поэте, человеке неглупом, но несдержанном. Этот поэт в ресторане Центрального дома литераторов в сердцах заехал пивной кружкой по крепкому темечку одного из членов «брежневского» Президиума Союза советских (ну-ну!) писателей и отсидел за этот «подвиг» несколько лет в колонии. Выйдя, он как-то заявил: «Даже у воров есть какие-то законы и какая-то мораль. И только «советские писатели» – это пауки в банке, которые способны лишь есть друг друга».

Что ж, резон в этих словах имелся. Однако было бы более верно расширить круг «пауков» до вообще пределов всего столичного «интеллигентного класса».

Исключения – как показало будущее – были весьма немногочисленными. И поэтому я давно придумал свой вариант некой печально знаменитой «крылатой» фразы, нередко приписываемой Йозефу Геббельсу, хотя автором её является не он. В 1932 году драматург Ганс Йост (1890–1978), будущий президент Имперской палаты литературы Третьего рейха, вложил в уста одного из героев своей пьесы «Шлагетер» следующие слова: «Когда я слышу слово «культура», мне хочется нажать на курок моего браунинга» (вариант: «...

моя рука тянется к спусковому крючку пистолета»).

Так вот, когда я слышу слово «интеллигенция»...

Впрочем, об этом и прочем, о чём *не принято* говорить в «интеллигентном» обществе, – во второй главе...

Глава 1

Распад или развал?

В упомянутой в обращении «От автора» книге Питера Швейцера «Победа» утверждается, что СССР исчез с карты мира не в результате неудачи перестройки и не вследствие заговоров. СССР, мол, просто не мог более существовать, ибо якобы обанкротились и государственная идеология, и экономика СССР. К тому же, как заявляет Швейцер, коммунизм-де противен человеческой природе. (Последнее утверждение оставляю на совести автора, если она у него, конечно, при таких заявлениях имеется.)

Увы, книги, подобные книге Швейцера, – это, по сути, фокусы. Задача фокусника – сделать нечто на глазах у публики так, чтобы публика не поняла, в чём суть фокуса. А для этого надо ловко отвлечь внимание публики на другое. Так и Швейцер! Вроде бы его книга посвящена победе США над СССР. Если была победа, значит, была и война. А если была война, значит, были и планы её, и замысел.

Но вот тут-то и начинаются фокусы Швейцера. Он вроде бы признаёт важную роль США в гибели СССР, но при этом уверяет: никаких «заговоров» не было, просто США вели линию на истощение экономики СССР, а в итоге неповоротливый русский монстр одряхлел и рухнул. Якобы даже

несколько неожиданно для США.

Но сказать просто так – значит вызвать скорее недоверие к себе – очень уж много имеется фактов, доказывающих обратное. Уже многие понимают, что если бы не подрывная работа Запада, СССР существовал бы по сей день. И поэтому Швейцер (да и не он один) в расчёте на завоевание доверия читателя заранее соглашается с той весьма очевидной мыслью, что анализ причин гибели СССР вне контекста политики США напоминает такое следствие по делу о подозрительной смерти, когда возможность насильственной смерти вообще не принимается в расчёт.

И даже если скончавшийся был неизлечимо болен, разглаживает Швейцер, всё равно, мол, надо понять – а не была ли его неизбежная, увы, кончина ускорена и т. д.?

Всё это – не более чем манёвры, отвлекающие нас от сути дела. Но жизнь устроена так, что даже умелый лжец, если он хочет придать своей лжи видимость правды, вынужден то и дело говорить... правду. Хотя бы частичную. Поэтому книги, подобные книге Швейцера, надо читать умеючи – отсеивая правду фактов от лжи их интерпретации. Очень советую читателю иметь это в виду.

Факты, приводимые швейцерами и показывающие роль тайной стратегии США в развале СССР, нам надо принимать к сведению – тоже не без осторожности, конечно. А вот «*анализ*» швейцерами причин гибели СССР сам требует внимательного анализа, рентгеновского, так сказать, исследования

для обнаружения «двойного дна».

Впрочем, анализ книги Швейцера в мою задачу сейчас не входит, и я просто скажу, что СССР к 1991 году был действительно болен – не неизлечимо, но тяжело. Мы ещё поговорим и о самой этой болезни, и о факторах, её вызвавших. В том числе и о том, распался СССР в силу естественных причин или был сознательно и противоестественно развален...

В спортивных состязаниях есть понятие «квалификация». Это проверка минимального уровня квалификации спортсменов, при невыполнении которого они к основным соревнованиям не допускаются.

Сегодня о минимальном уровне политического развития собеседника можно судить по тому, как он оценивает произошедшее с СССР – как распад (в чём нас уверяют «интеллектуалы» и «демократы») или как развал?

Что это было – распад или развал, – мы ещё будем выяснять. А сейчас – несколько слов об империях.

Царскую Россию и СССР даже очень лояльные к ним люди нередко считают империями. Однако ни Российская империя, ни, тем более, Союз Советских Социалистических Республик империями не были. По здравом размышлении понять это не так уж и сложно, при всей безусловной очевидности того, что Россия всегда была многонациональным государством (и, к слову, не может им не быть).

Все подлинные империи необратимо распались. Тут надо говорить только о распаде.

Империи Македонского и Карла Великого представляли собой военно-административные конгломераты и пали по причине полной несовместимости их различных частей, объединявшихся личностями Александра и Карла.

Римская империя пала под внешним напором варваров, а также – под напором внутренней жадности, нежелания и неумения дать равные права всем народам империи.

Австро-Венгерская империя пала не только в результате войны, но и потому, что не желала преобразовать себя в экономически целесообразную и возможную равноправную федерацию народов, находившихся под рукой Вены.

Британская империя распалась в результате мощных и *объективно* обусловленных национально-освободительных процессов в различных её частях.

При этом ни одна из упомянутых выше империй, распавшись, не восстановилась. Хотя бритты, например, так сумели привязать к себе бывшие колонии экономически, что и сейчас существует Британское Содружество.

Подлинные империи не могут не распасться и всегда распадаются. А вот Российское многонациональное государство, названное в честь победы Петра в Северной войне «империей», выдержало тяжелейшие испытания Первой мировой войны, революции и Гражданской войны и не распалось. Как ни старались враждебные народам силы и местные сепаратисты развалить Российскую «империю» до стадии необратимого распада, она не распалась, а быстро восстановилась

вновь – в виде СССР.

И причиной тому стали не «имперские амбиции» Москвы, не её «имперская воля» и т. д. Если бы не ясно выраженная воля народов, входивших до 1917 года в Российское государство, никакого СССР не было бы. А воля народов Российской «империи» определялась в конечном счёте тем, что эти народы понимали: единое могучее государство под рукой триединого русского народа отвечает интересам народов.

Вот почему было решено строить новую Россию не как унитарное государство с системой национально-культурных автономий, а как систему национальных республик. И этот принцип тоже выдержал тяжелейшие испытания войной и разрухой. Между прочим, пусть знатоки истории укажут хотя бы на одну подлинную империю, в которой метрополия (Центр) развивала бы колонии (периферию) более быстрыми темпами, чем развивалась сама. А в СССР уже Ленин выдвинул тезис о необходимости развития национальных окраин опережающими, по сравнению с Центром, темпами. Этот принцип был реализован Сталиным, а позднее выдерживался даже при явном ущербе Центру. В империях такого не бывает и быть не может!

Но вот *на ровном*, что называется, месте, в мирное время, без всякой внешней агрессии, огромное государство – одна из двух сверхдержав мира – перестало существовать.

Почему?

Этим вопросом задавались и задаются по сей день. Хотя

для тех, кто понимал суть происходящего, всё было ясно уже в 1991 году и даже раньше. Я ещё об этом скажу.

Но всё же – распад или развал?

Безусловно – развал. Причём надо помнить, что в русском языке слово развал означает как результат, так и процесс. Говорят: «Мы обнаружили полный развал», но говорят и так: «Развал идёт полным ходом».

Так вот, я глубоко убеждён, что развал СССР – это не завершённый, а всё ещё длящийся процесс. Многие считают, что СССР в 1991 году поразил смертельный удар, однако его пульс – пусть очень слабый, «нитевидный», – ещё можно прощупать.

Но почему стал возможным развал?

Расследуя обстоятельства смерти СССР, можно написать не одну книгу, и сегодня на книжном рынке появляются не только отдельные толстые тома на сей счёт, но уже возникают целые книжные серии о гибели СССР.

Былое тайное всё более становится явным.

Однако лично мне мало интересно – переспал, например, или не переспал с Маргарет Тэтчер Михаил Горбачёв, перед тем как предать Советскую Родину? И так далее... Как шутливо говаривал трижды Герой Социалистического Труда «бомбодел» Зельдович: «А без какого сиропа газированной воды нет, значения не влияет».

Так «влияет» ли решающее значение то, какими были те или иные детали процесса гибели СССР? Для настоящего и

будущего важнее понять системную суть произошедшего, установить основные мотивы и причины. Ведь и уголовное расследование начинают именно с этого – с мотивов и причин, определяющих характер преступления.

Вот и Питер Швейцер нам о том же толкует.

А каким оказался характер преступления против СССР? Кратко можно сказать: «СССР разваливали и разваливают. И процесс всё еще можно повернуть вспять». Но кто-то может не согласиться со мной и возразить: «Даже если это был не распад, а развал, то всё равно СССР сейчас – уже труп, который не воскресить никогда».

Что ж, в рамках нашего расследования допустимо исходить из рабочей гипотезы, что СССР уже не при смерти, а являет собой труп. Но даже если это так (хотя это не так), надо дать ответ на вопрос – что же всё-таки произошло: смерть от естественных причин, самоубийство или преднамеренное, обдуманное убийство?

Рассмотрим эти варианты.

Первый – смерть от естественных причин, от дряхлости. Уже более двух десятков лет «дорогих россиян» и весь мир убеждают, что так оно и было. «Распад, распад!» – с настойчивостью зазывали нас пытаются втолковать именно этот вариант объяснения произошедшего.

Но о какой дряхлости может быть речь, если экономические и социальные показатели даже горбачёвского СССР ставили нас где на первое, где – на второе, где – на пятое

место в мире, но уж никак не ниже последнего места в первой мировой десятке?

Вот как обстояли дела в мире и в СССР за пять лет до смерти СССР с жилищным, например, строительством. Таблица 1 показывает, сколько квартир было построено в 1986 году в первой десятке стран мира.

Таблица 1

Страна	Тыс. квартир	Квартир на 10 000 чел. насел.
Япония	1236	102
Финляндия	50	102
Австралия	136	91
СССР	2100	75
Швейцария	48	75
ГДР	119	72
США	1703	71
Франция	372	68
Нидерланды	98	68
Венгрия	69	65

При этом квартирная плата в СССР была самой низкой в мире, составляла, включая коммунальные услуги, примерно 3% от расходов средней советской семьи *и оставалась неизменной с 1928 года.*

В США и Англии расходы на квартиру составляли примерно 20% от общих расходов семьи, при этом за 1981–1986 годы квартплата выросла в Италии на 127%, в Англии – на 77%, во Франции – на 68%, в Канаде – на 48%, в США

– на 46 %.

По числу врачей (в том числе на 10 тыс. человек населения) мы занимали в 1986 году первое место в мире (42,7 врача на 10 тыс. населения). По удельному показателю на втором месте была Чехословакия, Болгария и Венгрия – на третьем и четвёртом, США – на девятом, Польша – на десятом месте. Япония с 19,8 врача на 10 тыс. населения занимала четырнадцатое место в мире.

Абсолютно первое место в мире, включая удельный показатель, мы занимали в 1986 году и по числу больничных коек – 130 единиц на 10 тысяч населения. На втором месте по удельному показателю была Япония, на третьем – ФРГ. Англия занимала десятое место, США – тринадцатое. При этом в капиталистических странах стоимость медицинского обслуживания постоянно росла (в США на 63 % за 1981–1986 гг.).

Для сравнения – в Российской Федерации обеспеченность больничными койками неуклонно снижается – со 131 единицы на 10 тыс. населения в 1992 году до 109 в 2006 году. В РСФСР процесс был обратным: удельное число больничных коек возросло за период с 1970 до 1986 года со 112,5 до 135,2 койки.

Если бы РФ сохранила советские темпы прироста, сегодня удельное число коек в РФ должно было бы быть не менее 160. И то же самое можно сказать о любом другом социальном показателе – при сохранении в России Советской власти

он был бы раза в полтора больше, чем в капитализированной «России».

Так, спрашивается, можно ли говорить об одряхлении Советской России к началу 90-х годов? Скорее можно говорить о полном одряхлении и деградации за прошедшие двадцать лет «России».

Приведу ещё данные по численности студентов в первой мировой десятке и этим ограничусь.

Они даны в таблице 2.

Таблица 2

Страна	Тыс. чел.	На 10 000 чел. насел.
Канада	692	278
США	6169	263
Куба	235	232
СССР	5088	181
Франция	867	158
Югославия	369	156
Япония	1718	142
ФРГ	816	138
Монголия	25	130
Чехословакия	169	109

При этом качество советского высшего образования было высоким, а само образование – полностью бесплатным, да ещё и стипендию платили. В ведущих советских технических вузах пятикурсник получал стипендию выше минимума заработной платы, в сегодняшних ценах – около 10 тысяч рублей.

Упрямые цифры, как видим, доказывают, что в СССР массово, на уровне ведущих стран мира, строилось жильё, и оно было массово доступно. Видно, что в СССР было очень неплохо поставлено дело охраны здоровья и образования. В целом статистический облик СССР тоже выглядел весьма убедительно, начиная с национального дохода и заканчивая социальными расходами.

И это – дряхлость?

Нет конечно! *В социально-экономическом отношении СССР накануне своей смерти представлял собой вполне жизнеспособный организм.*

Поэтому второй вариант – самоубийство, если иметь в виду всё советское общество и СССР в целом, тоже нельзя рассматривать всерьёз. В здравом уме и ясной памяти, без «тараканов» и «навоза» в голове, никто с собой – ни с того ни с сего – не кончает. Другое дело, что даже здорового человека можно одурманить и довести его, находящегося в невменяемом состоянии, до фатального конца. И вот это уже ближе к правде. Если СССР и совершил самоубийство, то его до него *довели!*

Кто? Ну, конечно же, как уже было сказано, «элитная» советская интеллигенция в Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове, Горьком, Одессе, Новосибирске, Омске, Томске, Свердловске, Донецке, Тбилиси и т. д. Она повела себя в конце 80-х и начале 90-х годов как свора взбесившихся собак, которые кусают всё и вся без разбора, но прежде всего

– кормящую их руку.

А бесились они, что называется, «с жиру». Они считали себя «ущемлёнными», «несвободными», хотя по сравнению с западными интеллигентами имели почти неограниченные возможности создавать подлинные культурные ценности, увеличивая в мире не количество какофонических «симфоний» и театров абсурда, а число новой прекрасной музыки, песен, фильмов, картин и книг.

Что, например, снял в СССР лучший друг Ельцина кинорежиссёр Эльдар Рязанов? Он снял три, без преувеличений, мировых шедевра: «Карнавальную ночь», «Гусарскую балладу» и «Берегись автомобиля!», а также – ещё несколько отличных или неплохих лент.

А что снял тот же Эльдар Рязанов под крылом своего лучшего друга в «Россиянии»?

То-то!

Ни один подлинный талант в СССР обойдён вниманием не был – в отличие от РФ. За двадцать антисоветских лет в «Россиянии» почти не было создано ничего примечательного ни в одном виде искусства, не появилось ни одной яркой творческой личности! Нельзя же, в самом деле, считать таковыми ряд дельцов-певцов, дельцов-музыкантов и дельцов-танцоров от классики! Немногочисленные современные мастера культуры обладают незаурядной творческой потенцией в той мере, в какой они продолжают лучшие традиции русского и советского искусства – как, например, акварелист

Андряка.

Когда имеют в виду высшие слои, то говорят о «сливках общества». Именно «сливками» мнила себя советская «интеллигентная элита». Однако она забывала, что сверху, на поверхности событий, плавают ещё и, пардон, *дерьмо*. И это определение для советской «элиты» подходило больше – наряду с определением её как своры бешеных собак.

Но кроме вонючих, загнивших до состояния *дерьма* интеллигентских «сливок» в советском обществе к середине 80-х годов прочно обосновался и весьма массовый слой полуинтеллигентов, «образованщины», «люмпен-интеллигенции». И вот их-то надо сравнить скорее со стаей взбесившихся мышек-леммингов. Ни с того ни с сего, вдруг обуянные неудержимой тягой к коллективному суициду, эти полярные мышки порой бросаются в холодные воды и тонут, тонут, тонут.

Крысы, зачарованные звуками из дудочки Гамельнского крысолова, шли к гибели, понуждаемые чужой волей. Что же до наших доморощенных *интеллеммингов*, то они стремились к гибели худо-бедно кормившей, поившей и давшей им образование Державы без принуждения! Похоже, сумасшедшая мелодия самоуничтожения звучала в самых глубинах их несуразных душ.

Кто наигрывал на скрытых струнах, для меня по сей день остаётся загадкой. Простейший ответ – ЦРУ и т. д. – верен, но слишком прост. Конечно, та атмосфера, которая царила в

стране к лету 1991 года, тщательно подготавливалась не одно десятилетие. И всё же то, что произошло в СССР летом 1991 года, не укладывается ни в какие теории психоанализа, не может быть внятно объяснено никакими школами психиатрии, не укладывается ни в какие логические схемы.

Хотя один вполне логичный вывод из тогдашней вакханалии социального абсурда сделать надо: любые богемные или, напротив, вождистские поползновения российских «интеллектуалов» надо душить на корню. Это хорошо понимал умный, порой желчный, но глубокий (очевидно, поэтому и забытый) советский интеллектуал Михаил Юльевич Левидов, назвавший интеллигенцию в 1924 году иллюзией, которая очень уж дорого обходится народу.

«Ежовые» (не от наркома НКВД Ежова, а от русской идиомы) «рукавицы» для «мыслителей» просто необходимы. В подтверждение этой мысли я сошлюсь ни на кого иного, как на Пушкина. Того самого, Александра Сергеевича, певца свободы. В своём не очень-то известном произведении «Путешествие из Москвы в Петербург» (конечно же, это был ответ на «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева) Пушкин писал:

«...писатели во всех странах мира суть класс самый малочисленный из всего населения. И очевидно, что аристокрация самая опасная – есть аристокрация людей, которые на целые поколения накладывают свои страсти, свои предрассудки... Никакое правление не может устоять противу все-

разрушительного действия типографского снаряда (*теперь – и телеэкрана. – С. К.*). Уважайте класс писателей, но не допускайте же его овладеть вами совершенно».

Предупреждение – особенно для русских людей – на века! Жаль, что ему не вняли широкие массы советских людей в 50-е, 60-е, 70-е, 80-е и последующие годы. Ведь скольким неплохим, если вдуматься, людям загадили мозги разного рода самозванные «властители душ», издававшиеся как «Самиздатом» и «Тамиздатом», так и, увы, вполне легальными, государственными советскими издательствами.

И скольким они загаживают мозги по сей день!

Массовые витии московских и прочих кухонь никогда не всплывали в СССР до уровня высшего слоя – то есть до уровня густо покрывшего жизнь советского общества «элитного» дерьма. Наоборот, нередко кухонные «витии» опускались на социальное дно. Но и на дне они всё же существовали, а не вымирали.

После гибели СССР этот слой – как явление – просто самоуничтожился и сегодня если и существует, то лишь как божественное развлечение для нуворишей. А ведь когда-то «витии» претендовали на то, чтобы перевернуть и Россию, и весь мир.

Перевернули.

Наконец, *третий вариант гибели СССР – заказное предумышленное убийство*. Есть ли у нас основания остановиться на нём как на отражающем реальность?

Безусловно! Он-то её и отражает. Сегодня этого всё чаще не скрывают сами убийцы как из числа деятелей «пятой колонны» в СССР, так и из их зарубежного руководства. Собственно, убийство СССР не могло быть так или иначе не замыслено! И оно было замыслено, и намного раньше, чем это сегодня представляется большинству. Я скажу об этом в главе 5 «Убить до рождения» и главе 6 «Прорабы измены: от Горбачёва к Троцкому...».

Да, Советский Союз пал жертвой преступления. И не может быть сомнений в том, что это было многократно резервированным предумышленным убийством. Для СССР давно готовился предательский нож в спину со стороны «пятой колонны», то есть – прямых предателей...

На убийство СССР умело подстрекали неврастеничных, взвинченных, интеллигентствующих полудурков – как монаха Жака Клемана наускивали на французского короля Генриха IV...

СССР умело десятилетиями отравляли ядами внешней подрывной работы.

СССР ослабляли, разваливали, чтобы убить.

И, возможно, убили.

А возможно, и нет!

Глава 2

Когда я слышу слово «интеллигенция»...

В конце пролога этой книги я сообщал читателю, что давно имею свой вариант печально знаменитой «крылатой» фразы из пьесы Ганса Йоста «Шлагетер»: «Когда я слышу слово «культура», моя рука тянется к спусковому крючку пистолета».

Что же до автора этой книги, то вот уже много лет, когда я слышу слово «интеллигенция», моя рука тянется к *розге!*

И вот почему...

Знаменитый русский историк Василий Осипович Ключевский классифицировал интеллигенцию так:

«1) Люди с лоскутным мирозерцанием, сшитым из обрезков газетных и журнальных. 2) Сектанты с затверженными заповедями, но без образа мыслей и даже без способности к мышлению. 3) Щепки, плывущие по течению, с одними словами и аппетитами».

Понятие «интеллигенция» впервые употребил писатель Пётр Дмитриевич Боборыкин, человек судьбы, надо заметить, не очень обычной: из дворян, родился в 1836 году в Нижнем Новгороде, умер в 1921 году в швейцарском Луга-

но, но не как белоэмигрант, потому что не жил в России с 1865 года, бывая на родине лишь наездами. Боборыкин запустил в оборот *слово* в 70-х годах XIX века, а в 90-х годах того же века Ключевский писал:

«Это слово недавно вошло у нас в употребление. Оно некрасиво, хотя имеет классическое происхождение. Некрасиво оно потому, что неточно, значит не то, что хочет обозначать. Оно означает человека *понимающего*, а им называют человека, обладающего *образованием*. Может быть, потребность перезвуковывать образованного русского человека в интеллигентного внушена полусознательным, патологическим процессом, который совершается в русском обществе и образец меткого диагноза которого дан в пословице: «У кого что болит, тот о том и говорит». Не потому ли и подвернулось слово, смешивающее образование с пониманием, что *способность понимания у образованного русского человека становится больным местом*» (выделение курсивом моё. – С. К.).

Ключевский прослеживал проблему со времен ещё допетровских и заключал словами, удивительно современными, полностью подходящими для оценки как «политиков» на «интеллигентских» кухнях 70–80-х годов, так и нынешних «политологов», «социологов», «идеологов» и прочих «мыслителей» в «Россиянии»:

«Гордый русский интеллигент очутился в неловком поло-

жении: *то, что знал он, оказалось ненужным, а то, что было нужно, того он не знал.* Он знал возвышенную легенду о нравственном падении мира и о преображении Москвы в Третий Рим, а нужны были знания артиллерийские, фортификационные, горнозаводские, медицинские, чтобы спасти Третий Рим от павшего мира. Он мог по пальцам пересчитать все ереси римские, люторские или армянские, а вопиющих домашних пороков не знал или притворялся не замечающим... Образованный русский человек знал русскую действительность как она есть, но не догадывался, что ей нужно и что ему делать»...

Читая это, я невольно и неизбежно вспоминаю многих, увы, очень многих...

И – всех былых витий времён «застоя» и затем – «катастройки».

И – витий эпохи загустевшего ельцинизма.

И большинство нынешних «интеллигентских» участников различных «ток-шоу» на различных каналах российского телевидения.

Историческое и социальное невежество всех этих клямкиных, урновых, млечиных, сванидз, жириновских и т. д. и т. п. чаще всего поражает, особенно на фоне заявленных ими непомерных амбиций, поразительного нахальства и самомнения.

Они упорно считают себя «мозгом нации», в то время как

на самом деле они представляют собой, гм... нечто иное.

Они, эти «прорабы измены» – кто со стажем, а кто и недавно призванный, – претендуют на монополию на истину (естественно, антисоветского образца), однако *для нынешних «мыслителей», как и для нынешних властителей, Истина нестерпима так же, как нестерпим яркий свет для тараканов.*

Вернёмся, впрочем, к Ключевскому. Означает ли его оценка, что в нашем Отечестве в давно прошедшие, в дореволюционные, времена так уж никогда и не бывало людей со знанием и с *пониманием*?

Конечно же нет!

Можно перечислить имена сотен только выдающихся русских и российских людей XVIII, XIX и начала XX века, которые, сидя за рабочим столом в кабинете, или укрывшись от дождя плащ-палаткой, или придерживая сползающую от качки чернильницу, выводили на листе бумаги: «Что делать...» и далее ставили *двоеточие*, а не знак вопроса, потому что писали не «философские» трактаты, а план конкретной созидательной работы на завтра.

Когда начинаешь думать о них, вспоминать их – и тех, что на слуху со школьной скамьи, и тех, о ком можно узнать лишь в толстых энциклопедиях, – дух захватывает от этого моря и мира имён!

Член-корреспондент Петербургской академии наук Пётр Соболевский (1781–1842), которого Гумбольдт называл од-

ним из первых инженеров Европы, – химик, металлург, автор мирового класса работ по аффинажу платины...

Академик Герман Гесс (1802–1850), всего через шесть лет после восстания декабристов выпустивший в николаевской России учебник «Основания чистой химии», который формировал взгляды русских химиков вплоть до выхода в свет «Основ химии» Менделеева.

Лишь два имени! А их – подлинных светочей России, подлинных её мозгов – в нашей истории сотни и тысячи!

Увы, кто из нынешних «интеллигентов» в нынешней «России» не знает, например, философов Бердяева, Ильина, Солоневича или Соловьёва и кто помнит Петра Соболевского и Германа Гесса?

И много ли знаем мы о, например, Пржевальском, который исходил планету не менее, а более англичанина Ливингстона?

Размышляя о них, таких разных, убеждаешься, что *чуть ли не с самого начала петровской европеизации существовали и существуют две образованные России: одна читавшая и другая – понявшая. Одна – интеллигентская, а вторая – интеллектуальная. Тот же Василий Ключевский был интеллектуалом, но интеллигентом он не был.*

Как не был им, к слову, Александр Сергеевич Пушкин.

Думаю, именно в силу этого обстоятельства Александр Пушкин и сумел так точно и безжалостно определить заблуждения Александра Радищева:

«Беспокойное любопытство, более нежели жажда познаний, была отличительная черта ума его. <...> Он есть истинный представитель полупросвещения».

Как это точно и как, увы, злободневно.

Российская интеллигенция уверенно считала и считает именно себя носительницей русского самосознания и главной (в некотором роде) национальной ценностью. Она искренне уверена, что только она способна дать российскому обществу национальное видение бытия, национальную идею и...

И глубочайше в том заблуждалась и заблуждается.

Носительницей русского самосознания была и будет Россия интеллектуальная, испокон веку занятая делом практического созидания России реальной, а не «соборной». Другое дело, что и эта Россия ошибалась – уже в другую сторону, отдавая общественный процесс на откуп «интеллигенции». Старые российские интеллектуалы самоустраивались от политики, уподобляясь своим западным аналогам, но жили-то они в России, стране действительно особой.

Это я сообщаю не только ради исторической истины, но и в намёк нынешним российским интеллектуалам от науки, техники, медицины и производства. Они ведь тоже работают, как на Западе, а живут-то в России, и отстраняться им от социальных проблем России негоже – а то этими проблемами так и будут заниматься никудышные, самозванные, воню-

чие, заср...нные «мозги нации» – с ещё более катастрофическим, чем доселе, результатом.

Вся история Запада позволяла западным интеллектуалам в наибольшей степени влиять на общественное развитие своим фактом своей нарастающей и успешной профессиональной деятельности. И поэтому западные интеллектуалы вполне могли позволить себе роскошь замыкаться в своих узких рамках без трагических последствий для судеб своих стран.

Иначе получалось в царской России. Интеллектуальная Россия на общественное развитие влиять решающе не могла – сказывалась антигосударственная и антиинтеллектуальная политика самодержавия, неспособного сознательно и целенаправленно объединять созидательные силы России на своей платформе.

Задачу объединения здоровых сил России смогли выполнить лишь большевики, а сегодня мы, в совершенно иной исторической ситуации, имеем то же, что и сто с лишним лет назад! *Нынешний капитализаторский Кремль тоже не способен объединить и использовать подлинно творческую часть российского общества на благо народов России и мира. Но эта-то часть всё ещё существует! И ей пора задумываться о политическом объединении.*

Вокруг кого?

Сразу скажу – вокруг обновлённой общими силами Коммунистической партии не зюгановского, а ленинского образ-

ца.

Но это – тема для отдельного разговора.

Итак, *как и сегодня*, в царской России на исторической сцене подвизалась Россия интеллигентская, игравшая общественные роли, для всех зримые. До самого 1917 года интеллектуалы от политики, то есть большевики, не играли в общественном самосознании России той ведущей роли, которую российские интеллектуальные круги отдавали интеллигентам от политики – всяким там «земцам», «либералам», «легальным марксистам» и т. п.

Сегодня история повторяется.

С одной стороны, нынешние «литературно-газетные» интеллигенты претендуют на некое политическое и духовное лидерство, на некую самостоятельную роль, не имея к тому никаких объективных оснований.

С другой стороны, *современная интеллектуальная Россия всё ещё не сознаёт настоящей необходимости своего политического объединения в интересах борьбы за Россию, которая может сохраниться и развиваться лишь как новая Советская Россия.*

Сейчас становится всё более понятной концептуальная правота Ленина в его негативной оценке российской интеллигенции. Эта негативная оценка важна для понимания и исправления и современной общественно-политической ситуации.

До революции российские интеллигенты восторженно

призывали революцию и дружно ругали «прогнившее самодержавие», не понимая, что общество загнивает не как мёртвая колода в лесу, а как живой организм! Поэтому реальная революция, да ещё в России, могла быть только такой, какой она оказалась в 1917 году. *Организм загнивал по живому, и в нём накапливался не хладный элемент необратимого распада (как в гнилом пне), а гной заражающего организм гноиника, прорыв которого очищает воспалённый организм, но и неизбежно заливает тело не елеем, а мерзостно пахнущей субстанцией.*

Ведь тогда, в 1917 году, прорвалось то, что веками накапливалось в глубинах несправедливо, незаслуженно страдающего и в то же время неразвитого, невежественного народного большинства.

Русская интеллигенция в своём «докторо-живаговском» обличье интересы России и народа предала. Причём предала брезгливо.

Что обязан делать сострадающий образованный человек, оказавшись рядом с исходящим гноем больным, особенно если этот больной является близким ему существом? Правильно: надо вытирать гной, не забывая о санитарии и антисептике; надо готовить чистые бинты и турунды, надо позаботиться об уколах, о снижающем жар питье. Хлопотать, стирать, убирать, иногда – невзирая на несправедливости и капризы горячечного больного, и прочее.

В ситуации 1917 года и позднее от образованного слоя

требовалась спокойная готовность к ежедневной, неприятной и зачастую грязной социальной работе. Русская же интеллигенция к ней оказалась неготовой и неспособной. Она не просто брезгливо отстранилась, но начала в эти гнойные, вскрывшиеся раны Родины кидать грязью и заплёвывать их.

В результате малочисленному ленинскому, образованному элементу большевизма в союзе со стихийно народным, ковпаковско-чапаевско-будённовским, массовым его элементом пришлось бороться со всем сразу: с развалом мировой войны, с интервенцией, с махновского образца вольницей, с прямым бандитизмом, со свергнутыми (не забудем!) эксплуататорами и в том числе – с российской интеллигенцией.

Что ж тут удивляться, что дров при этом было наломано в избытке?!

Напомню, что Ленин не заблуждался насчёт того, что под тончайшим слоем образованного большевизма – тёмная, неуправляемая и зловещая сила народной невежественной и разрушительной страсти.

Не оппоненты ленинизма, а *клеветники* на него выпячивают сегодня скромную фигуру «героя» Пастернака – доктора Живаго и изгоняют из памяти ныне живущих поколений намного более значительных героев Алексея Толстого – офицера Рощина, инженера Телегина.

Сила Ленина была в точной постановке вопросов. Поста-

вим же и мы вопросы точные: «Кто виноват в том, что матросам «Потёмкина» сварили борщ из мяса с червями? Кто строил балерине «Малечке» Кшесинской дворец и наполнял его бриллиантовыми гарнитурами в то самое время, когда крестьянские детишки-малолетки пасли гусей? Кто недоволю морщился, если температура поданного за его стол «Клико» отличалась на пару градусов от предписанной, а при этом спокойно относился к тому, что работникам на Ленском золотом прииске в мясную лавку завезли для продажи *бычьи гениталии*?»

Ответ очевиден – виновен правящий класс России.

Он был виновен в нищете двух третей народа тогда, он виновен в нищете двух третей народа и теперь. *Старый правящий класс вёл политику насилия по отношению к собственному народу не год, не десять, а добрых двести лет!* Слишком нагло имущее меньшинство попирало и не признавало прав большинства! А когда народ их востребовал – да, грубо, невежественно, неумело, – вместо того, чтобы склониться перед его волей и правами, имущий класс начал готовить гражданскую войну.

И развязал её.

Ленин её не хотел. Ему не нужна была гражданская война, его целью было созидание. В войне нуждалось меньшинство, ибо в условиях кровавой смуты и иностранной интервенции оно могло обрести шанс на сохранение вопиющего социального неравенства!

Вот это бывшее имущее меньшинство и открыло путь насилию, окрашивая эпоху кровью, ненужной ни народу, ни Ленину.

Однако, при всём при том, что ответственность за гражданскую войну лежит на бывших имущих слоях населения России, одной из главных виновниц того, что Ленин и большевики были вынуждены с самого начала не развивать новое общество, а с боем отстаивать его от посягательства свергнутого имущего меньшинства, оказалась российская интеллигенция.

В эпоху тогдашней российской Смуты она оказалась в массе своей не на стороне России и народа. В «эпоху» нынешней «россиянской» Мути картина повторяется – преобладающая часть «элитной интеллигенции» Россию и народ предаёт.

Противнику Ленина Константину Победоносцеву принадлежит такое её определение:

«Интеллигенция – часть русского общества, восторженно воспринимающая всякую идею, всякий факт, даже слух, направленный к дискредитированию государственной власти; ко всему же остальному в жизни страны она равнодушна».

Ленин тоже, наверное, мог бы подписаться под этими словами. Потому что те же приват-доценты, чиновники, журналисты, которые захлёб ругали «прогнившее самодержавие», так же захлёб саботировали потом новую рабоче-кре-

стьянскую власть.

Это они, российские образованные и полуобразованные слои, создавали ту питательную среду, в которой развилась бацилла гражданской войны и интервенции, а потом давились в очередях на пароходы, уходящие в Константинополь.

Они и сегодня, забыв о своих народных корнях, почти полностью оправдывают давнюю характеристику Победоносцева с той только разницей, что теперь они не разоблачают нынешний, дискредитировавший сам себя Кремль, а пытаются его оправдать.

Теперь они мгновенно воспринимают всякую идею, всякий факт и особенно всякий слух, направленные к дискредитированию исключительно *социалистической* государственной власти, и сами же эти слухи распускают. Они клеветают на Советскую власть, оставаясь при этом по-прежнему равнодушными, как и век назад, к подлинным нуждам Отечества.

Философ Константин Леонтьев – сам далеко не образец деловитости и верного понимания жизни – признавал:

«Интеллигенция русская пуста, отрицательна, беспринципна. Сверх того она мало национальна именно там, где следует быть национальной... Русская интеллигенция создана так, что чем она дальше, тем бесцветнее...»

Это было сказано о тогдашней «образованщине», о полунинтеллигентах, хотя в немалой мере это было также са-

мооценкой того образованного рафинированного слоя, к которому принадлежал сам Леонтьев. Однако не восхититься нельзя – сказано более ста лет назад, а сказано как сегодня!

Чуть позднее, в 1909 году, в знаменитом в своё время сборнике статей о русской интеллигенции «Вехи» Пётр Бернгардович Струве (1870–1944), ровесник Ленина, буржуазный экономист и философ, «легальный марксист» и кадет одновременно, а после октября 1917 года белоэмигрант, написал нечто похожее:

«Идейной формой русской интеллигенции является ея *отщепенство*, ея отчуждение от государства и враждебность к нему».

Струве имел в виду одно, но, сам о том не ведая, в левую точку дореволюционной интеллигенции попал, предвосхитив при этом и собственную человеческую и политическую судьбу. Привёл же я его слова потому, что они верны и сегодня, но – с одной принципиальной поправкой: идейной формой нынешней «россиянской интеллигенции» является по-прежнему отщепенство и её отчуждение, однако теперь уже отчуждение не от государства, а *от народа*, как и враждебность к народу же.

Что же до «россиянского» государства, то нынешнее «кремлёвско-ельцинское» государство и «россиянские интеллигенты» – близнецы-братья.

Да ведь и в царской России для «рафинированной» части

«интеллигенции» это было очень даже свойственно – в какие бы фрондёрские одежды она ни рядилась. В 1905 году знаменитый тогда «богоискатель» Дмитрий Мережковский – благополучный выходец из придворной чиновной среды – опубликовал в журнале «Полярная звезда» статью «Грядущий хам». В ней он противопоставлял «духовное благородство» интеллигенции «духовному рабству» мещанства и называл три лица «хама»: казёнщину самодержавия, конформизм официального православия и «хамство, идущее снизу».

Последнего «хама» Мережковский, сын придворного столоначальника и муж Зинаиды Гиппиус, дочери столичного полицмейстера, усматривал в нарождающемся большевизме, считал его самым опасным и в 1905 году писал: «Из развалин и пожарищ ничего не возникнет, кроме Грядущего Хама».

Нынешние духовные наследники Мережковского – как и он хамски убеждённые в своём праве быть «совестью нации» и отказывающие в этом праве «простонародью» – так же, как и этот эстетствующий барин, смотрят на народ, их взрастивший, высокомерно. А при этом самым наглым образом уверяют, что магистральным руслом нынешнего мирового «развития» становятся-де «единодушие, взаимопомощь, взаимное уважение и общность интересов».

Как же – разбежались!

Это говорится о мире, где тысяча миллиардеров возвышается над миллиардами живущих на два-три доллара в день

(так живёт половина населения планеты). О мире, где нормой становятся жандармские акции ООН, НАТО и США типа бомбёжек Ливии!

Игры в «революцию», спровоцированные на Ближнем Востоке Западом ранней весной 2011 года, обошлись, например, Египту в 20 миллиардов долларов уже к концу весны 2011 года. Страна – в кризисе, дорожает продовольствие, а выход ей подсказывают стандартный – обратиться за «помощью» к Международному валютному фонду. И МВФ, организовавший кризис в Египте, предоставит ему – конечно же, из соображений «единодушия, взаимопомощи, взаимного уважения и общности интересов» – кабальный заём этак в 20 миллиардов долларов.

Ловко? Увы, да... Однако подобные казусы, происходящие в современном мире, не уменьшают восхищения «россиянских интеллигентов» «преимуществами» «развитых стран».

Дореволюционная «расейская» полуинтеллигенция самозабвенно оглядывалась на Запад – не для того, чтобы учиться делу, а для того, чтобы с капающей слюной ему завидовать и им восхищаться.

Нынешняя «российско-россиянская интеллигенция» тоже нашла свой внешний западный «идеал», а заодно – и внутреннюю власть себе по душе, по плечу и по интеллекту. Это «духовное» родство Кремля и «интеллигентной» «элиты» выражается сегодня многообразно и уже стало явлени-

ем.

«Элитная» «интеллигенция» ёще в советские, а затем – в постсоветские времена активно участвовала в процессе воровства России у её народов. Конечно, «творческая российская интеллигенция» – социально трусливая и в деловом отношении бездарная – не могла принять участие в вакханалии прямого обогащения за счёт «приватизации» народного добра. Зато «интеллигенция» всегда была готова постоять «на стрёме», поискать «потерянную Россию» и «давно утраченные истины» под «фонарём современности»...

Она призывала: «Иди и смотри!», «Больше света!», а главное – орала: «Держи вора!», уверяя публику, что воры, мол, – это Ленин, Сталин и большевики, а отнюдь не «прорабы измены», не Горбачёв, не Ельцин и прочие приватизаторские антигерои нашего Мутного времени.

Россию же – не когда-то там и кем-то там «потерянную», а реальную, ещё могучую, но отравленную дурманом «перестройки» – тем временем крали, крали, крали.

И украли.

Украли вместе с матерью городов русских первопрестольным градом Киевом. А вместо великой, единой и неделимой Советской России подсунули народам «Россию» в кавычках.

Вот почему лично для меня вот уж двадцать с лишком лет слово «интеллигенция» стало – в некотором смысле – словом ругательным, чуть ли не нецензурным.

Впрочем, эту публику не люблю не один я – не более ува-

жительно к ней относились не только Победоносцев и Ленин, но также и, например, Константин, Лев и Алексей Толстые или вот – американский художник Рокуэлл Кент. Он всегда привлекал меня не только самобытностью таланта, но также ироничной честностью по отношению к жизни и к себе, не очень-то свойственной людям искусства. В своей автобиографической книге «Это я, господи!» Кент писал:

«Что касается отступничества... интеллигентов, то этому явлению я ещё не нашёл удовлетворительного объяснения. Я склонен думать, что здесь кроется какой-то психологический фактор, поэтому поведение интеллигентов нельзя во многих случаях с... лёгкостью объяснить мелочной расчетливостью...

Однако никто не станет отрицать, что бывают и такие люди, которые продаются. Будет ли этим изменникам наградой овёс в конюшне для рядовых осведомителей, или, если они более одарены, хорошо оплачиваемые должности в редакции журнала «Ридерс дайджест», зависит от их рыночной цены».

Всё это полностью применимо как ко многим советским «интеллигентам», так и к «россиянским» «интеллигентам». Они нередко оплёвывали и оплёвывают свою Родину и её прошлое просто из любви к искусству – не высокому Искусству, а мелкому «искусству» жить в постоянной духовной паконости.

Хватает, конечно, и таких, которые продаются. Вот толь-

ко вряд ли кто-то из них может рассчитывать на хорошо оплачиваемые должности в редакции журнала «Ридерс дайджест». Более чем на журнал «Огонёк» им не потянуть.

Что же до типичного поведения интеллигента, то нередкая психологическая загадочность его, занимавшая Кента, характерна не только для наших времён. *Русский «интеллигент» всегда твёрдо знал, что его генеральная линия – путаться в трёх соснах и при этом вести за собой как можно больше других своих сограждан.*

Вот потому и тянется моя рука к розге каждый раз, когда разговор заходит о «русской интеллигенции».

Но она – лишь один из трёх источников и трёх составных частей гибели СССР. Ложь интеллигенции и предательство «элиты» – первый источник.

Социальная глупость народа, обманываемого интеллигенцией и предаваемого «элитой», – второй источник.

Третий же источник...

Ну, о нём я тоже скажу – чуть позже в следующих главах, а сейчас я приглашаю читателя в август 1991 года – в *тот самый* август.

Глава 3

22 августа 1991 года (утро): По маршруту автобуса «К»

До августа 1991 года самым чёрным днём советской истории считалось 22 июня 1941 года (потом было ещё одно 22 июня, но о нём – позже). Тогда стране пришлось очень тяжело, и даже Сталин в один из первых дней войны не сдержал чувств и, по воспоминаниям Анастаса Микояна, сказал в ближайшем окружении: «Ленин оставил нам великое наследие, а мы, его наследники, всё это проср...ли».

Думаю, Микоян здесь почти ничего не выдумал – он солгал скорее всего в одном, утверждая, что Сталин сказал это чуть ли не в первый день войны. А сказано это было наверняка на исходе первой недели – после сдачи Минска, после того, как Сталину стали ясны масштабы провала тех, на кого полагались и он, и Россия.

Но тогда у России был Сталин, были его соратники, был массовый слой энтузиастов – строителей социалистической Державы, и Россию они тогда отстаивали.

Думал ли кто в майские дни 1945 года, что через полвека после 22 июня 1941 года новые поколения граждан СССР бездарно, за «здорово живёшь» проср. т великое наследие сталинской эпохи, пустят *коту под хвост* результаты вели-

ких ратных и трудовых усилий народа? Однако 22 августа 1991 года невозможное стало фактом.

Воспоминания о тех днях у меня и сегодня вполне свежи... Помнят их – так или иначе – и десятки миллионов моих сограждан, живших тогда. Впрочем, и им не мешает кое-что напомнить. Тем более что сегодня в жизнь пришли новые поколения, 1991 года не помнящие или помнящие его плохо.

Поэтому сразу сообщу, что 19 августа 1991 года в СССР, впервые в его послевоенной истории, было объявлено чрезвычайное положение и был образован так называемый Государственный Комитет по чрезвычайному положению – ГКЧП. В его состав вошли вице-президент СССР Г. Янаев, премьер-министр В. Павлов, министр обороны маршал Д. Язов, председатель КГБ В. Крючков, министр внутренних дел Б. Пуго, первый заместитель председателя Совета обороны О. Бакланов, председатель Крестьянского союза В. Стародубцев и председатель Ассоциации государственных предприятий А. Тизяков.

Было объявлено, что президент Горбачёв по состоянию здоровья не может осуществлять свои функции и его обязанности временно переходят к вице-президенту Янаеву. В Москву по приказу маршала Язова были введены войска.

Но в тот же день к ельцинскому Белому дому прибыли танки и батальон десантников, направленные туда в нарушение присяги, то есть – изменнически, командующим ВДВ ге-

нералом П. Грачёвым, будущим «Пашей-мерседесом».

Произошло всё это накануне предполагавшегося подписания нового Союзного договора, «разработанного» в таком виде, что это был, по сути, проект похорон СССР. И фактически ГКЧП стал последней попыткой относительно честной части высшего советского руководства спасти СССР и удержать страну от катастрофы.

Однако страну сознательно вели «в разнос». 20 и 21 августа по Москве проходили митинги – внешне чуть ли не стихийные, а на самом деле – очень даже хорошо организованные. В ночь с 20 на 21 августа при крайне странных обстоятельствах погибли три демонстранта. Москва всё более походила на выпущенную на волю Канатчикову дачу. Ещё пять лет назад представить себе нечто подобное никто не мог и в кошмарном сне. Кроме...

Кроме, конечно, тех, кто всё это задумывал намного раньше, чем пять лет назад. Мы ещё об этом позднее – в главе пятой – поговорим.

Образованию ГКЧП предшествовали пять лет «перестройки», позднее метко названной «катастрофой». Точнее не скажешь – страну вполне, повторяю, сознательно вели к катастрофе, и к лету 1991 года она уже почти стала фактом. 12 июня прошли выборы Президента Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, и им стал с огромным перевесом Борис Ельцин. Советский народ сам избрал будущего палача Советской власти.

А начался 1991 год с того, что 13-го (ну совершенно случайно 13-го) января в Вильнюсе был спровоцирован штурм митингующей толпой Вильнюсской телевизионной башни. Пролилась кровь...

«Вильнюс-91» стал намеренным предвестием «Москвы-91», – ведь к тому времени все высшие государственные структуры в Москве и столицах союзных республик были нашпигованы провокаторами так же густо, как филипповская сайка – изюмом.

Не стал исключением и ГКЧП. Даже в нём самом одну из ведущих ролей играла такая сомнительная личность, как председатель КГБ «андроповец» Крючков. Так, как этот «чекист № 1» «действовал» в те мутные дни, мог действовать или непроходимый глупец, или хитрый подлец. Приверженцы Крючкова могут выбирать любой вариант, но, как говаривали древние римляне, «tertium non datur» – «третьего не дано».

Горбачёв в это время находился в Крыму, в Форосе. Само существование СССР уже ставилось под сомнение, в союзных республиках правил бал самого гнусного пошиба национализм, а Горбачёв «отдыхал» на юге. Всё это, конечно, было шито белыми нитками, но вот же – вполне серьёзные, казалось бы, люди, члены ГКЧП – далеко не дети, позволили провести себя как детей и стали мальчиками для битья.

Особенно странно повёл себя министр внутренних дел Пуго – уж он-то ни глупцом, ни провокатором не был. Впро-

чем, вряд ли московские силы МВД СССР тогда Пуго подчинились бы – одурение в Москве было почти всеобщим.

Реальным (точнее – зримым, находящимся на виду) хозяином Москвы – при «живом» ГКЧП – становился тем временем Борис Ельцин. В ночь с 21 на 22 августа Горбачёв вернулся в Москву, но от контроля ситуации отстранился – что само по себе, с учётом его положения как Президента СССР, было вообще-то государственным преступлением.

Впрочем, тогда всё, что творилось в столице СССР и в столицах союзных республик, было государственным преступлением.

Горбачёв прилетел в Москву ночью, а ранним утром 22 августа 1991 года я приехал в Москву поездом из «ядерного» «Арзамаса-16» (ныне – Саров Нижегородской области).

Говорят, лучше раз увидеть, чем сто раз услышать. Что ж, уже в первый же московский день я увидел да и услышал много такого, что дополнительно проясняло и так уже стремительно проясняющуюся (если смотреть открытыми глазами) ситуацию.

Ниже я приведу ряд зарисовок тех дней и надеюсь, что они будут читателю интересны и полезны – ведь из всего множества тогдашних впечатлений я отобрал для книги наиболее показательные. Это были те «капли», в которых отражался весь, взбулгаченный на ровном месте, СССР образца 1991 года.

Добраться до Москвы я хотел уже на следующий день по-

сле образования ГКЧП – очень уж хотелось хоть что-то кому-то подсказать. То, как вели себя его члены, заставляло вспоминать нецензурную, увы, лексику – телевизионные каналы были заполнены сценами из «Лебединого озера», прочей классикой, *и всё*.

Было видно, что ГКЧП не имеет чётких целей и не готов ставить их перед народом. Соответственно возникали обоснованные сомнения в том, что это кончится чем-то путным. Тем не менее, поскольку кое-какие знакомства в столице у меня тогда уже были, я решился ехать, взяв на три дня отпуск за свой счёт.

Главный режиссёр театра имени Ленинского комсомола Марк Захаров готовился публично – перед телекамерой – сжечь свой партийный билет, а я, перманентно беспартийный, пришёл перед той поездкой в городской комитет КПСС «Арзамаса-16» и познакомился с его первым секретарём.

В Горьковской области имелось два Ивана, первых секретаря горкомов. Иван Склярлов был первым секретарём в горкоме настоящего Арзамаса, а Иван Никитчук – в горкоме «Арзамаса-16» (собственно, последний горком с 50-х годов именовался в партийных документах «Кремлёвским», по закрытому названию «Арзамаса-16» – Кремлёв).

Иван Склярлов оказался ренегатом и тут же перебежал к ельцинскому «мальчику» Борису Немцову в вице-губернаторы.

Иван Никитчук остался коммунистом и в первые «ель-

цинские» дни горя натерпелся – только что в узилище не попал.

Позднее нам пришлось вместе съесть не один пуд соли (к 2011 году такой счёт давности знакомства перевалил у нас пудик на четвёртый), а тогда мы только познакомились. В итоге я уехал в Москву по командировке горкома (аванс мне, впрочем, выдать не успели, а по возвращении оплачивать поездку было уже некому).

Когда я собирался на поезд, Москва начала вдруг транслировать вместо музыки Мусоргского речь Руслана Хасбулатова – ельцинского председателя (или – предателя?) Верховного Совета РСФСР. Стало ясно – катастрофа разразилась. Однако в Москву я всё же уехал.

Вот только путёвку горкома спрятал в сумке так, чтобы найти её было непросто.

Да, как-то сразу возникло ощущение того, что моя страна – уже не моя. Я ехал и не удивился бы, если бы в Москве на Казанском вокзале увидел некие чужие патрули в чужой униформе, проводящие обыски, и т. д. Однако внешне по приезду всё выглядело как всегда, разве что людей на вокзале оказалось меньше, чем обычно. И я отправился в нашу ведомственную «средмашевскую» гостиницу – попытать счастья в получении крыши над головой.

Дорога была давно знакома: от метро «Комсомольская» до метро «Кировская», затем – трамваем до Устьвинского моста на набережной Горького (сейчас она переименована то

ли в Старо-ветошную, то ли в Ново-вонючую, или что-то в этом роде)... И вот я – в непривычно пустом холле гостиницы. Командированных почти не было, так что получить место проблемы не составило.

Устроившись, я вышел на улицу, и тут передо мной встал вопрос – куда двигаться и как? Из окна трамвая ни патрулей, ни военной техники видно не было, но как там в центре, на Красной площади?

Впрочем, я сразу же вспомнил, что рядом, на улице Полины Осипенко (теперь она тоже как-то переименована), имеется остановка автобуса «К» – кольцевой маршрут, проходящий у музея В. И. Ленина и Госплана СССР, рядом с Красной площадью.

Что ж, если маршрут действует, можно будет оценить обстановку, не выходя из автобуса, и при необходимости вернуться туда, откуда начал поездку. А там – посмотрим.

Вскоре я уже катил по набережной вдоль Кремлёвской стены. Улицы в семь утра были ещё пустынные, лишь шёл вдоль Москвы-реки неказистый человечек, с виду – рядовой московский «гегемон» в белой рубашке с закатанными рукавами и чёрных затёрханных брючках.

Он бросался в глаза, потому что был единственным. И вдруг этот человечек вынул из кармана... портативную рацию, вытянул телескопическую антенну и начал что-то говорить.

Эта мелкая вроде бы деталь стала первым, но далеко

не последним моим потрясением в тот московский день 22 августа 1991 года. Я понимал, что в пост-гэкачепэшной Москве *свой* так не шёл бы. И если ещё не так давно все вокруг были так или иначе своими, то теперь надо было, похоже, учиться делить окружающих на своих *и чужих*.

В эти московские дни, когда зловещие силы гробили Советский Союз, я не раз наблюдал на улицах Москвы подобных, внешне серых, человечков обоего пола, которые – порой тайком, а порой и открыто – что-то наговаривали в такие же портативные рации посреди скоплений народа. Кем были они, какие спецслужбы или фонды представляли, можно лишь гадать.

Впрочем, и это сегодня не так уж и важно. Важно то, что они были и действовали, а действовали они против СССР.

Автобус маршрута «К» уже подъезжал к Манежу. Здесь людей на улицах хватало, и я, выйдя у Музея Ленина, начал свой обход Москвы...

Вторым сильным впечатлением того дня стала отлично изданная книга знаменитого педиатра Бенджамина Спока, выставленная в витрине газетного киоска на улице Горького (бывшей и будущей Тверской) у Главтелеграфа по вполне государственной цене в 5 рублей. Купить Спока свободно было почти невозможно, им спекулировали, а тут... Первым побуждением было, конечно, – купить, но стало почему-то противно. Я понял, что продавец выставил книгу накануне, *при ГКЧП*. Выставил, что называется, с перепугу, ещё не зная,

как повернутся дела. А с утра не успел понять, что уже снова *можно...*

Надо заметить, что я не ошибся – проходя мимо этого же киоска во второй половине дня, я увидел на том же Споке новый ценник: «12 рублей». Делать свой маленький «бизнес» в Москве вновь позволялось.

Я шагал по Москве... На улице пока ещё Горького люднело, день обещал быть солнечным, но я шёл как будто под чёрной сенью чего-то зловещего, *не своего*.

И это ощущение не пропадало.

Впрочем, над Москвой в те дни и впрямь *что-то* витало. В один из тех дней я заскочил в пельменную – перекусить на ходу, и был поражён тем, что услышал из приглушенного транзистора, висевшего на стене. Оттуда неслась монотонная, бубнящая речь, однако это была не передача какой-то исламской радиостанции, а просто тарабарщина на неведомом «птичьём» языке. Скорее всего на москвичих тогда впервые отработывали то, что позднее стало известно как НЛП – нейролингвистическое программирование.

Вот уже и Пушкинская площадь, бронзовый Пушкин, с укоризненно склонённой головой наблюдающий за своими неразумными потомками. В витрине здания «Известий» выставлены мастерски исполненные плакаты на манер давних «окон РОСТА» или «окон ТАСС» – плакатов революционной и военной поры на злободневные темы.

Плакаты были сделаны уверенной рукой профессионала

и злобно издевались над низвергнутым ГКЧП.

Гнусно это всё выглядело, но уж вовсе людоедским оказался плакат, посвящённый Пуго. Из него можно было понять, что Пуго убит, потому что на плакате имелись строки:

«Забил заряд я
В тушку Пуго».

Этот отвратительный, но тоже профессионально сделанный каламбур вызывал чувство и физического отвращения, и безысходности. Возникало ощущение нереальности происходящего, хотя интеллектуально я был к чему-то подобному готов. Психологически же...

Между прочим, нынешние биографические словари утверждают, что Пуго вместе с женой якобы покончили жизнь самоубийством, и даже приводят его якобы предсмертную записку. Однако Пуго – у меня в том нет никаких сомнений – был убит, и его убийцы в первый день своего торжества не скрывали подлой, безнаказанной радости от этого. В стихке на плакате в витрине «Известий» сгоряча сболтнули лишнее, а уж потом поняли, что проболтались, и «отработали» назад – к версии суицида.

Через череду лет Пуго может показаться старым, однако ему в год гибели исполнялось всего-то 54 года. Из всех членов ГКЧП он был единственным, кто мог бы в мутную пору последовавшего ельцинского развала стать центром объеди-

нения для борьбы за новый Советский Союз и тем был особо опасен для ельцинских путчистов. Поэтому, надо полагать, Пуго – единственного из членов ГКЧП – сразу же и убрали из ситуации физически, грубо замаскировав убийство под самоубийство.

День разгорался, на улицах люднело, но было видно, что это – просто обычные москвичи или даже иногородние, случайно оказавшиеся в столице и безотчётно направившиеся в её центр хоть за какой-то информацией. Особой радости никто не проявлял, хотя горестных лиц тоже не замечалось. Кое у кого проглядывала, впрочем, настороженность и даже пришибленность.

Звонить кому-то было рановато, и я просто шагал по Москве наедине со своими мыслями и чувствами. Пока что было ясно одно: хотя бы на время верх одержали те нездоровые силы, которые последние годы «раскачивали лодку» и вели страну к развалу. Но в то, что это надолго, не верилось.

Верилось в иное: уж теперь-то все здоровые силы страны должны понять, что надо делать! Пора использовать все немалые силы Державы для того, чтобы опрокинуть злое антидержавные силы. Ведь должны же выступить – уж хотя бы сейчас – в поддержку СССР высший генералитет, Академия наук СССР, руководители отраслей экономики, директора ведущих государственных предприятий, их коллективы, ведущие мастера культуры... Уж теперь-то карты открыты!

Так думалось, так хотелось думать, но что-то зловещее накрывало солнечный московский день всё прочнее, и, хотя сердце верило в лучшее, разум уже догадывался – сегодня начался отсчёт иного времени – не исторического, а антиисторического.

И все мои дальнейшие перемещения в тот день всё более убеждали, увы, в последнем.

Впрочем, продолжу...

Глава 4

22 августа 1991 года (день): «Студенты МАИ за свободу»

День 22 августа разворачивался во всей его пестроте, и я шагал или ехал от одного пункта к другому, но готовности действовать и противодействовать не находил нигде.

Я побывал в тот день в нескольких местах и говорил с разными людьми, в частности в некоторых московских редакциях. Как уже было сказано, я тогда начинал «обрастать» рядом знакомств, как раз в августовском номере журнала МИДа СССР «Международная жизнь» была опубликована моя статья «Жар-птица Сергея Дягилева». Вот уж, что называется, яичко оказалось дорогое, да только не к Христову дню, а к чёртовому.

Побывал я и в редакции «Литературной газеты»... В особняке, уютно расположившемся в Костянском переулке, один из моих «литературно-газетных» знакомцев – тогда очень известный журналист, имени которого по ряду причин упоминать не буду – встретил меня в состоянии такой эйфории, что я оторопел. Потом улыбка сменилась лёгкой гримасой, и знакомец признался, что побаливает голова, поскольку Бурлацкий (тогдашний главный редактор) выставил-де за счёт редакции ящик коньяка, и все угомонились только под утро.

Впрочем, зайдя к другому знакомцу, я особой радости у него по поводу происходящего не обнаружил, зато от него я впервые услышал слово «ельциноиды», позднее ставшее общепотребительным.

Третий знакомец был радостен и с порога сообщил мне. «Вы знаете, говорят, на Лубянке Железного Феликса валяют!»

Мне стало противно. Сухо распрощавшись, я покинул «литературный» особняк и зашагал к метро ещё «Кировская» (будущие «Чистые пруды»). Выйдя через пять минут на станции – пока что – «Дзержинская», я с трудом удержал чисто физический позыв к рвоте.

Площадь Дзержинского (бывшая и будущая Лубянская) была окружена молчаливой толпой, теснящейся у переносного ограждения, выставленного кем-то по всему периметру площади. А в центре площади, архитектурной доминантой которой десятилетиями была подтянутая фигура первого рыцаря революции в длинной серой шинели, у пустого постамент, щедро залитого ведрами красной краски, бесновалась (другое слово тут не подходило) банда молодчиков.

Милиции видно не было, но между безмолвной толпой и орущей бандой, размахивавшей «триколорами», лежало огромное пустое кольцо. И никто из толпы не пересекал его, чтобы присоединиться к «триумфаторам».

Только сейчас, вспоминая те дни, мне пришло на ум, что эта ярко запечатлевшаяся в моей памяти картина была сим-

волической для всего августа 91-го года, для всей необъятной тогда страны.

В центре событий правила *дозволенный и санкционированный* шабаш кучка провокаторов и спровоцированных хулиганствующих «интеллигентных» *придурков*, а народная масса, проданная «элитой» и обманутая «мыслителями», безмолвствовала. При этом между кучкой получивших права негодяев и будущей бесправной народной массой уже 22 августа 1991 года пролегла непереходимая полоса отчуждения.

Народ же безмолвствовал потому, что его в течение последних пяти лет отучали любить Советскую власть. Отучали сами органы этой власти во главе с горбачёвским ЦК КПСС.

Да, насыщенным выдался день 22 августа 1991 года. Радостных лиц на улицах было мало, но в целом Москва – за исключением центров возбуждаемого ельцинскими путчистами искусственного ажиотажа – выглядела спокойной. Люди просто не понимали, что уже скоро их жизнь начнут ломать всерьёз.

В тот день, идя по старому Арбату, я мимоходом услышал обрывок разговора двух раскованного вида юных торговцев матрёшками, раскрашенными «под Ленина», «под Сталина», «под Горбачёва», «под Ельцина» и т. д.

– Похоже, пронесло, – громко заявлял один.

– Ага, – соглашался второй. – А я думал, Арбат прикро-

ют...

Что ж, они не ошиблись. Арбат не «прикрыли», он как раз расцвёл и процветает.

Прикрыли Державу.

И теперь на Старом Арбате торгуют её наградами, формой её воинов, гермошлемами от высотных компенсационных костюмов, а то и самими костюмами бывших защитников её воздушных рубежей.

Тогда же, 22 августа, я оказался и на Новом Арбате – на проспекте тогда ещё Калинина. Мимо стройных зданий-«книг» текла и текла многоликая толпа-«змея», в голове которой шёл сам Ельцин с компанией. Там же, впереди, везли три гроба с «погибшими за свободу», которым издевательски присвоили – посмертно – звания Героев Советского Союза. (Уже много позднее пошли глухие отголоски разговоров о том, что окуренных наркотиками «героев», похоже, просто подбросили под БТРы – для придания спектаклю соответствующего кровавого колорита.)

Я стоял на тротуаре, а мимо меня текли и текли – в будний-то день – десятки, если не сотни тысяч «демонстрантов». Сбоку их сопровождали тени в штатском с рациями. Одна из них – женского рода – выглядела как только что приехавшая из Тель-Авива.

Над текущей толпой колыхались воздушные шары, владовские «триколоры» и транспаранты. Запомнился один – белыми буквами по голубому полю: «Студенты МАИ – за

свободу!» Мне, окончившему ХАИ – Харьковский авиационный институт – это было особенно неприятно.

Уже ближе к вечеру я добрался до ещё одного своего московского знакомого – весьма крупного дипломата. Он сидел в кабинете один, вид имел нерадостный.

Когда мы устроились в креслах, он прямо спросил:

– Как вы оцениваете происходящее?

У меня уже сложилось вполне однозначное мнение на сей счёт, однако я замялся. Ответить-то я собирался как думал, но при этом мелькнула мысль: «Вот сейчас скажу, а в ответ услышу, что коль так, то наши пути, мил друг, отныне расходятся». А терять это знакомство не хотелось с любой точки зрения.

Мой собеседник был человеком опытным, много работал в наших посольствах по всему миру, имел ранг советника 1-го класса, и поняв мои колебания, предложил:

– Давайте вначале скажу я, а вы согласитесь или не согласитесь.

Когда я кивнул, он сказал:

– К власти в стране пришли транснациональные корпорации.

И хотя в такой констатации не было ничего весёлого, я облегчённо выпалил:

– Да!

Тот разговор установил наши отношения на много лет вперёд. Мы тогда долго утешали друг друга, и я был, как ока-

залось, чересчур оптимистичен, а он, как оказалось, был всё же более пессимистичен, чем следовало. Ведь дело СССР всё ещё не проиграно!

Но та констатация, которая прозвучала в одном из московских кабинетов 22 августа 1991 года, сохраняет всю свою правоту по сей день: к власти в России тогда пришли чуждые народам СССР внешние силы, действующие в интересах транснациональной частнособственнической «элиты».

В конце главы 2-й я писал (и августовские дни 91-го года, проведённые мной в Москве, подтвердили это лишний раз), что первым из трёх источников и трёх составных частей гибели СССР стали ложь интеллигенции и предательство «элиты».

Социальное оглупление народа, обманутого интеллигенцией и преданного «элитой», стало вторым источником гибели СССР.

Третьим же источником гибели СССР стала именно она – мировая Золотая «элита». Она не только хотела гибели СССР, она не только вела дело к гибели СССР, но и не могла поступать иначе с очень, очень давних пор.

Коротко можно сказать так... СССР был рождён идеями Маркса и Энгельса, идеями социализма. Однако окончательное торжество этих идей означало гибель частнособственнической мировой «элиты». Поэтому обеспечение гибели СССР давно стало для «элиты» вопросом жизни или смерти – политической, конечно.

Таков краткий тезис, но об этом же пора сказать и подробнее. Ведь понять всю суть того или иного процесса во всех его нюансах можно лишь тогда, когда мы проследим процесс *до его истоков*. И это не только интересно, это – жизненно важно для дела возрождения СССР.

Глава 5

Убить до рождения...

Итак, у гибели СССР было много причин, и ни одной объективной. Объективно СССР был здоровым организмом, но ослабленным как сознательной подрывной работой, так и собственным неразумным поведением. Всё, что требовалось народам СССР для безбедного житья, – это взяться за ум тогда, когда в том возникла несомненная потребность. Ведь даже здоровый, но ослабленный организм может легко подхватить уже смертельную болезнь.

СССР такую болезнь и подхватил, а точнее – его ею заразили сознательно, а одной из причин злонамеренных действий внешнего мира стал сам факт существования СССР. И в некотором смысле процессы, уничтожившие СССР, имели отправной точкой ту же идею, которая СССР породила и которая способна возродить его вновь.

Идея эта – марксистская, коммунистическая.

Я не шучу и не пытаюсь морочить читателя – я вполне серьёзен и свою мысль, естественно, обосную. Парадокса в моём заявлении нет, а есть лишь неизбежная диалектика бытия с его единством и борьбой противоположностей. И можно указать точную хронологическую отметку начала процесса, который одновременно закладывал как системную базу

для неизбежного возникновения СССР, так и системную базу для возможной его гибели. Это – февраль 1848 года.

Именно тогда в Лондоне отдельным изданием вышла небольшая книга, оказавшая на дальнейшее развитие мира влияние, сравнимое разве что с влиянием Библии. Я имею в виду, конечно же, «Манифест Коммунистической партии».

Повторяю: говоря о том, что появление «Манифеста...» стало в некотором смысле отправной точкой для замысла убить СССР, я вполне серьёзен.

Уже в «Манифесте Коммунистической партии» было верно сказано, что Капитал порождает пролетариев, то есть лично свободных наёмных рабочих, продающих капиталисту свою рабочую силу, которую капиталист оплачивает лишь частично. Но при этом, как отмечали Маркс и Энгельс, Капитал порождает пролетариат не только как источник собственного обогащения, но и как собственного могильщика.

Увы, основоположники марксизма забыли предупредить пролетариев, что палка всегда о двух концах, а оружие может стрелять в обе стороны – в зависимости от того, в чьих оно руках.

Так вышло и с идеей о пролетариате как будущем могильщике Капитала. Могла ли она понравиться Капиталу? И мог ли Капитал не задуматься над тем, как бы сделать так, чтобы сам Капитал смог стать могильщиком этой, губельной для Капитала, идеи?

Коммунисты бросили в мир великий призыв: «Проле-

тарии всех стран, объединяйтесь!» Но его прочли и буржуа. Объединение класса пролетариев, то есть трудящихся, означало уход с исторической арены класса буржуа, то есть праздных собственников. Поэтому буржуа не могли не прийти к мысли о том, что теперь, после появления в мире великого призыва Маркса, надо объединиться и буржуа – в *своей* борьбе за *разъединение* трудящихся.

Ведь системно верный тезис о пролетариате как будущем могильщике Капитала был высказан Марксом публично. И был высказан в эпоху, когда Капитал уже набрал силу и мощь, а пролетарии были угнетены, разобщены и плохо, а то и вовсе не образованны. Да и времени для усвоения общих идей у пролетариев было не так уж много.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.